

Ж. Ф. Сиринелли

ДЕЛЕНИЕ НА ПРАВЫХ И ЛЕВЫХ ВО ФРАНЦИИ: ВЕЛИЧИНА ПОСТОЯННАЯ ИЛИ ПЕРЕМЕННАЯ?

Тема деления участников политической жизни на правых и левых относится к сфере ведения разных дисциплин, в том числе истории. Именно история позволяет рассматривать проблему в рамках хронологического периода длительной протяженности. Вместе с тем, историк умеет работать и с материалом совсем недавнего прошлого; никакого противоречия тут нет, ведь в своей практике ему приходится иметь дело отнюдь не только с прахом давно минувшего. Иначе говоря, можно и нужно изучать политические явления – в данном случае речь идет о делении на правых и левых – в разных временных измерениях, и подобный подход позволяет расширить возможности политической истории.

Тем не менее, как бы мы ни подходили к истории взаимоотношений правых и левых, она не является легкой для изучения. Здесь имеют место определенные методологические трудности, и основная задача этого эссе как раз и состоит в том, чтобы их вкратце обрисовать. Кроме того, я постараюсь показать, что если в XVIII в., действительно, были заложены основы великого раскола, то в конце следующего столетия этот раскол углубился с изменением обстоятельств, анализ которых позволяет прояснить особенности противостояния правых и левых в XX в. И, наконец, я затрону вопрос о том, какую роль в данной сфере сыграли события конца прошлого века.

РАЗНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ВРЕМЕНИ

Первая встающая перед историком трудность состоит в том, что к двум предшествующим векам применяется определение, существующее в наши дни. По отношению к изучаемым эпохам оно является чуждым, и это неизбежно заводит в тупик. Дело в том, что положение правых и левых в политическом пейзаже с течением времени меняется; граница между ними постоянно смещается. У исследователей даже вошло в правило подчеркивать неуправляемую «стихийность» французской политической жизни: медленное сползание «ледника», как выразился Альбер Тибоде, влекло за собой

Жан-Франсуа Сиринелли – профессор Института политических исследований (Париж), директор Центра истории Европы XX века.

появление все новых течений в левой части политического спектра, тогда как другие течения, располагавшиеся справа, отходили на второй план и все больше теряли свое влияние в спорах по важным общественно-политическим вопросам.

Эта простая констатация указывает, кроме всего прочего, на главное: правая и левая части спектра наделены способностью к развитию. Они рождаются, укореняются или гибнут, сохраняются или угасают. И этот процесс определяется, конечно же, историческими обстоятельствами, зависит от того, что является главным для конкретного периода. Все, что касается правых, левых и отношений между ними, нужно рассматривать в двух аспектах различной временной протяженности. С одной стороны, – в рамках событийной истории короткого времени, о чем у нас пойдет речь ниже. Так анализируется, в основном, последовательное возникновение политических традиций. С другой стороны, – хотя об этом здесь будет говориться меньше – если ставится цель разобраться в том, как укоренились зародившиеся традиции, то изучать правых и левых следует уже в контексте истории политических культур, имеющей среднюю временную протяженность.

КОНЕЦ XIX в. ИЛИ «МАРИАННА У ВЛАСТИ»

Деление на правых и левых было действительно порождено Историей¹. Начало ему положила Французская революция. Размежевание на правых и левых впервые произошло летом 1789 г. Можно даже уточнить дату: это было в пятницу, 28 августа 1789 г. Именно в тот день Учредительное собрание, занимавшееся разработкой новых институтов, которые означали бы переход от абсолютной монархии к конституционной, разделилось на две части по вопросу о том, какие полномочия следует дать королю. Прежде всего, речь шла о будущем праве вето. Именно тогда сторонники наделения монарха более широкими полномочиями сгруппировались на правой стороне зала заседаний, а те, кто враждебно относился к этому, собрались

¹ Во Введении и Заключение к трехтомному изданию «Истории правых во Франции» (*Histoire des droites en France*. P., 1992) я уже имел случай гораздо более подробно развить некоторые идеи на сей счет. О самых последних десятилетиях см. также мои заметки: *Les vingt décisives. Cultures politiques et temporalités dans la France fin de siècle // Vingtième siècle. Revue d'histoire*. 1994. № 44, octobre-décembre. Кроме того, именно эти идеи и замечания я высказывал во время дискуссии на круглом столе на тему «Преодолено ли во Франции размежевание на правых и левых», организованном 23 сентября 1995 г. во Французском доме в Оксфорде.

слева. Таким образом, на смену трехсословному обществу Старого порядка и соответствовавшему ему протоколу, применявшемуся еще совсем недавно, во время открытия Генеральных Штатов, пришла биполярная структура, сложившаяся в рамках зарождающегося парламентаризма.

Однако основополагающая роль Французской революции не ограничивается созданием такого деления. После революции, на протяжении всего XIX в. именно в спорах вокруг ее наследия, ее завоеваний и памяти о ней происходила кристаллизация разных идеологических позиций. Тем более что отзвуки Французской революции до конца XIX в. звучали в непрестанном споре о том, какой политический строй необходим Франции. Этот вопрос о политическом строе на протяжении всего века оставался важнейшим, и совершенно естественно, что нарождающиеся политические кланы олицетворяли собой разные возможные ответы на него. Так, очень скоро левых *grosso modo* стали отождествлять с республикой, олицетворенной образом «сражающейся Марианны».

Конец XIX в. знаменовал собой важный рубеж. В это время на целый век вперед изменилось содержание противостояния правых и левых. В самом деле, республика окончательно победила, Марианна достигла власти. Даже более того, в своей исторической борьбе против монархии республика «из фактора социально-политической и обыденной жизни» превратилась в «фактор обыденной жизни»². В данном отношении показательно дело Дрейфуса. В отличие от буланжистского кризиса, имевшего место десятью годами ранее, здесь уже не стоял вопрос о природе режима: большинство антидрейфусаров, как, например, Баррес, являлись республиканцами, хотя республика, которую они хотели установить, была авторитарной.

Рассмотрение вещей в исторической перспективе тем более необходимо, что сложившийся на пороге XX в. пейзаж долго сохранял свой облик, по крайней мере, в общих чертах. Если до того противостояние правых и левых определялось преимущественно вопросом о том, какой политический строй следует установить во Франции, то теперь главным фактором размежевания стали разногласия по проблемам экономическим и социальным. В центре политических дебатов оказались вопросы о роли государства в сфере отношений собственности, о механизме налогообложения и возможного перераспределения доходов, а также проблемы социального неравенства и экономической эксплуатации.

² См.: *Agulhon M. Marianne au pouvoir. L'imagerie et la symbolique républicaines de 1880 à 1914. P., 1989. P. 339.*

Вопрос о республике больше не определял границу между правыми и левыми. На правом фланге в конце XIX и начале следующего века большинство бывших монархистов и бонапартистов признало победивший режим. На левом фланге для поднимавшейся новой политической силы – социалистов – Марианна торжествующих республиканцев не была достаточно «социальной», и они первое время считали республиканское устройство лишь ширмой для буржуазного порядка и социальной несправедливости. В 1890-1900 гг. слова «левые» и «республика» перестали автоматически восприниматься как синонимы. До того времени «синие» и «красные» находились по одну сторону великого франко-французского разлома. Отныне разлом проходил между ними.

Центральным элементом противостояния правых и левых надолго стал вопрос о месте государства в сфере отношений собственности и об организации социального обеспечения. Новую идеологическую конфигурацию с изменившимся содержанием противостояния правых и левых пришлось ждать едва ли не до конца очередного века. Это произошло в 1980-е годы, когда французский социализм принял ценности рыночной экономики, а затем, после краха коммунистических режимов в Восточной Европе, был снят вопрос о том «развитии истории», каким его видел марксизм-ленинизм.

Однако вернемся к концу XIX в. В политической культуре правых изменился тогда собирательный образ «врага». Отныне пугалом становится уже не республиканец, а социалист и, некоторое время спустя, коммунист. Тот и другой воспринимаются как приверженцы социального беспорядка и экономической дестабилизации. Эти изменения тем более важны, что в самом начале XX в. во Франции как справа, так и слева возникают политические партии, т.е. стабильные структуры. В этот момент существующие политические силы постепенно приобретают, как при проявлении фотографической пластинки, четкие очертания.

Все эти принципиальные перемены, произошедшие с конца XIX в., наглядно показывают, что развивающаяся сама по себе История по-разному может влиять на становление политических традиций. Она неизменно ставит перед национальным сообществом проблему основополагающего выбора, но являет ее в разном обличье. Это могут быть моменты революционного перелома, как тот, что начался в 1789 г. Однако в других случаях это могут быть периоды внешне не столь заметных, но не менее глубоких изменений социального организма или политической структуры. Именно таковым был конец XIX в., когда одновременно происходил социальный и политический подъем «новых общественных слоев» и формировались но-

вые политические институты. В частности, конец XIX в. стал переломным моментом для крайне правых: именно тогда в политической сфере появилась идея национал-популизма, обращенная к прошлому и порожденная тройным кризисом – политическим, социальным и кризисом идентичности.

ЛЕВЫЕ И ПРАВЫЕ КОНЦА XX ВЕКА

Итак, мы согласились с тем, что некоторые периоды французской истории порождали новые политические традиции или приводили к их изменению. Можно ли говорить о том, что нечто подобное имело место и во взаимоотношениях правых и левых в недавнем прошлом? Иными словами, обрела ли борьба между правыми и левыми в конце XX в., как и на исходе двух предыдущих веков, новое содержание?

Заметим сначала, что биполярное сочетание правых и левых, уже в конце XIX в. тесно связанных между собой, постепенно стало неотъемлемым атрибутом «республиканской модели»³. Это означало не только приверженность тех и других системе республиканских институтов, но, более того, защиту и прославление общих ценностей, которые служили объединению и сплочению национального сообщества, составляя так называемую республиканскую политическую культуру. Заслуживает, разумеется, тщательного анализа вопрос о том, насколько быстро французские правые разного толка приобщались к ценностям республиканской культуры и, особенно, какую роль сыграли здесь голлисты. Морис Агюлон и Пьер Нора с полным основанием уже привлекали внимание к этому аспекту⁴.

Отсюда непосредственно следует и другой вопрос: представляет ли собой голлизм совершенно новое направление правых, порожденное Историей во время Второй мировой войны, или это всего лишь новое проявление того, что уже существовало ранее? Однако здесь мы данный аспект рассматривать не будем, обратимся к иному: ознаменовались ли последние три десятилетия XX в.⁵ появлением нового содержания в противостоянии правых и левых, как это происходило на исходе двух предыдущих веков?

³ *Le modèle républicain / Sous dir. S. Berstein et O. Rudelle. P., 1992.*

⁴ *Agulhon M. La « tradition républicaine » et le général de Gaulle // De Gaulle en son siècle. T 1. Dans la mémoire des hommes et des peuples. P., 1991. P. 188-194; Nora P. L'historien devant de Gaulle // Ibid. P. 172-178.*

⁵ В особенности период 1965-1985 гг., явившийся одновременно и конечной фазой «Славного Тридцатилетия» и началом нового периода, т.к. уже с середи-

Нужно констатировать, что и в конце XX в. противостояние правых и левых приобрело новый характер. Французское общество в последние несколько десятилетий переживало быстрые и глубокие трансформации. В самом деле, с середины 1960-х годов (социологи выделяют «поворот 1965 г.») «выдержка, умеренность и предусмотрительность, - как сказал Жан-Даниель Рейно - или, другими словами, откладывание потребления на будущее» уступили место индивидуалистическим ценностям и гедонизму. Во Франции, разбогатевшей за «Славное Тридцатилетие», ослабление пресса материальной нужды повлекло за собой ослабление социального контроля. Наметился, по выражению Мишеля Крозье, «кризис традиционной системы регулирования», приспособленной к цивилизации относительной экономической бедности и социальной нестабильности. Кризис выразился в новом коллективном поведении, в особенности, по отношению к властям, а, значит, и к нормам, по отношению к табу, а, значит, и к ценностям.

Теперь – и с этим согласны все социологи – общие ценности, объединявшие и цементирующие национальное сообщество, оказались дважды поставлены под сомнение. С одной стороны, эти размываемые ценности в значительной своей части составляют основы республиканской культуры. Речь здесь идет не о том, чтобы констатировать пагубность или благотворность подобной эрозии, а о том, чтобы понять, как глубоко она поразила всю систему. Тем более что, с другой стороны, в те же 1960-е годы общество столкнулось и с другим сдвигом: стремление к сглаживанию различий, обеспечивавшее республиканское единство, частично стало уступать место осознанию неизбежности этнических, культурных и прочих различий и требованиям реализации прав на этой основе.

Перед лицом такой двойной эволюции левые оказались в более трудном положении, чем правые. Дело в том, что присущая левым роль критика установленного порядка заставляла, хотя бы частично, поддерживать протест против него, порождаемый происходящими изменениями. Т.е. левым приходилось поддерживать эволюцию, подрывавшую республиканскую политическую культуру, носителем и хранителем которой они, или, по крайней мере, их часть, были задолго до того, как эта культура стала общим достоянием правых и левых.

К сказанному следует еще добавить, что уже совсем недавно, в 1980-е годы, левые или, точнее, их социалистическое крыло осуществили своего

ны 1970-х годов многие основополагающие для «Славного Тридцатилетия» элементы стали быстро распадаться. По этой причине я и предложил называть 1965-1985 гг., период, одновременно тесно связанный с предыдущим и открывающий новый, «Решающим Двадцатилетием» - см.: *Les vingt décisives*.

рода постепенный «Бад Годесберг»*. После этого перед ними встала задача овладения ценностями рыночной экономики, логикой функционирования денег и законами прибыли. Задача осложняется тем, что одновременно социалистам необходимо уже без марксизма осмысливать способы перераспределения средств, вопросы социальной мобильности и социальной поддержки.

Итак, левые, как и правые, на протяжении своей истории претерпевали существенные изменения, в основе которых лежало возникновение в разные времена тех или иных важных проблем, раскалывавших национальное сознание и определявших характер конфликтов внутри общества. В течение всего XIX в. центр споров находился в области политики; с начала XX в. он переместился в сферу социально-экономических проблем. Похоже, что сегодня третий после 1789 г. рубеж веков отмечен интересом преимущественно к проблемам социо-культурным. И здесь встают три главных вопроса. Первый состоит в необходимости переосмысления республиканской морали. Второй – в потребности понять, куда движется История. Хотя человечеству и не дано знать «цели Истории», оно не может существовать, не видя «линии горизонта». Наконец, третий вопрос состоит в том, что человек, благодаря развитию биологии, может сегодня гораздо больше, чем прежде, влиять на жизнь, однако не способен приручить смерть. Отсюда новый интерес к некоторым важнейшим аспектам жизни человеческого общества, таким как сексуальность, беременность, рождение, болезнь. И поскольку все эти обстоятельства будут вызывать новые споры, постольку будет продолжаться и противостояние между правыми и левыми.

* В 1959 г. западногерманские социал-демократы на съезде в Бад-Годесберге официально отказались от марксистской идеологии. – *Примечание переводчика.*